

ГОД ИСТОРИИ

Весенняя сессия в библиотеке

В ГПНТБ СО РАН завершился «первый семестр» лекций к Году истории

В рамках Городских дней науки в ГПНТБ СО РАН состоялись две лекции доктора исторических наук, профессора Сергея Александровича Красильникова. Оба выступления, прошедшие 17 и 18 мая, продолжали библиотечный лекторий, приуроченный к объявленному Году российской истории. Лекторий-2012, организованный ГПНТБ СО РАН, Новосибирской региональной общественной организацией общества «Знание» и кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета, подошел к своему экватору.

Учебный «семестр» завершился сюжетом по истории развития науки в Сибири до создания Сибирского отделения АН СССР. Такова была тема второго выступления С.А. Красильникова, тогда как первая лекция была посвящена сложному и противоречивому периоду нашей истории — крестьянскому вопросу и сталинскому варианту его решения в 1930-е годы.

Коллективизация или огосударствление и раскрестьянивание?

Открывая свой доклад, С.А. Красильников отметил, что прежде чем говорить о таком явлении как коллективизация, которая перевернула судьбы миллионов людей в нашей стране, нужно определиться с терминами. «Мы можем назвать процессы, происходившие в 30-е годы, безличными, абстрактными словами. В таком случае коллективизация — это революционный переворот в сфере аграрного производства, когда на месте миллионов единоличных крестьянских семейных хозяйств появляются новые коллективные хозяйства производственного типа, при котором кардинально меняется отношение крестьян к материальным ценностям, мотивации, организации труда. Однако даже если не отступать от экономической терминологии, следует отдавать себе отчет в том, что в России существовал многовековой крестьянский жизненный уклад, традиционные формы хозяйства, социальная общинная организация. Поэтому ломку социально-политического порядка в деревне, произошедшую в то время, нельзя назвать иначе, чем катастрофической.

То, что традиционно понимается под коллективизацией, в экономическом плане являлось осуществлением тотальной этатизации аграрной сферы, причём путём, который лучше всего обозначить термином «война». Война, то есть чрезвычайная ситуация, введение режима социальной мобилизации (не смешивать с военной), избыточный уровень и масштабы репрессий и наказаний за отклонение от директив, приказов. И это была по своей сути война большевистского режима против своего народа, большинство которого и составляло крестьянство», — сказал профессор С.А. Красильников.

Расхожий термин «раскулачивание» — это всего лишь сталинский пропагандистский штамп, внедряемый в массовое сознание с помощью идеологической машины, отметил историк. «Целью появления этого штампа было разделение и разъединение крестьянства, искусственное создание нескольких социально-учётных категорий: батрачество, беднота и середняков, как зёрна от плевел, отделяли от «враждебной» части крестьян, которых ещё с дореволюционных времён называли кулаками, подкулачниками. После революции власти стали наполнять эти категории экономическими и политическими признаками. Создание чёрно-белой картины, разделение на «своих» и «чужих» — это тоже признаки войны. Поэтому историки-профессионалы используют для оценки этого феномена термин не «раскулачивание», а «раскрестьянивание». Раскрестьянивание, говоря упрощенным языком — это подчинение деревни, её экономического уклада интересам государства. И оно происходило в нашей стране в особо жёсткой, репрессивной форме, было кровавым», — подчеркнул историк.

Формирование и принудительное переформатирование социальной структуры села привело к тому, что часть единоличных хозяйств оказалась членами сельхозартелей, име-

нуемых обычно колхозами, другая в массовом порядке бежала из мест проживания (массовое бегство в формально мирное время — это тоже «знак беды»). Наконец, часть оказалась репрессированной. Эти люди попадают в положение маргиналов и в дальнейшем существуют под грифом «спецпоселенцы».

Существуют два пути раскрестьянивания. В обычных, нормальных условиях раскрестьянивание является частью объективного процесса социальной мобильности. Люди могут менять свой социальный статус сами — переходить из одной страты в другую: крестьянин может переехать в город, стать рабочим, служащим, получить образование. Это ординарная социальная мобильность, в основе которой лежит свободный выбор личности, семьи, пусть иногда и обусловленный обстоятельствами. В Советской России был выбран совсем иной путь, с акцентом на репрессивное раскрестьянивание.

Этот путь — путь ссылки более полумиллиона крестьянских семей прежде всего в северную и восточную часть страны, путь жизни в спецпоселениях, в нечеловеческих условиях, путь перебрасывания с места на место, рабства на лесоперевалках, каторжного труда на строительстве заводов. Раскрестьянивание, или превращение крестьянства в массовый «трудовой ресурс», универсальную «рабсилу», стало частью общего переворота, произошедшего в стране в начале 1930-х годов.

Для крестьянских семей ссылка на спецпоселение повлекла за собой временное или окончательное разъединение супругов и детей, падение рождаемости и избыточную смертность, уменьшение размеров семьи и снижение её трудового потенциала. Принудительные миграции привели к деформации и утрате ссыльным крестьянством сущностных характеристик образа жизни и мировоззрения, спровоцировали конфликт поколений, привели к частичной или полной утрате социальной и конфессиональной идентичности. Всего через систему спецпоселений в 1930—1940 гг. прошло до 3,5 млн чел., из них около 800 тыс. через командатуры Западной Сибири. Сталинские депортации крестьянства 1930-х гг. не имели аналогов — носили репрессивный характер, сопровождались демографической катастрофой. И даже с экономической точки зрения хозяйственная деятельность спецпоселений не перекрывала государственные затраты на их создание и функционирование.

Оценивая указанный период в целом, профессор С.А. Красильников резюмировал: «Мы не занимаемся написанием альтернативной истории — считается, что история не допускает сослагательного наклонения. Однако невооружённым глазом видно, что вы-

бор иного пути развития страны был возможен. Следует искать «иное».

И для этого есть основания. Скажем, были ли исчерпан потенциал индивидуального крестьянского хозяйства? Ведь известно, что по статистике в 1937 г. шестую часть произведенной сельхозпродукции дали крохотные личные подсобные хозяйства крестьян, точно уж не «социалистический сектор». Даже в коммунистическом строе — об этом говорит послевоенный опыт Восточной Европы — Чехословакии, Польши — производственное кооперирование аграрного сектора не приводило, как у нас, к резкому и катастрофическому подрыву производства и голодной катастрофе 1932—1933 гг. унёсшей (в формально невоенное время!) 8 млн жизней, крестьянских, прежде всего. Стоит задуматься, почему эти страны смогли без подобных явных катастроф встать на «тропу коммунизма» и так же сойти с неё — без крови, без варварства, без хищнического отношения к природе, без голода, без отрыва от корней. Наши же крестьяне, став колхозниками и утерев в значительной мере мотивацию к труду, оказались чужими на своей земле».

Наука в Сибири

В своей второй лекции, в этот раз строго привязанной к информационному поводу — Городскому дню науки, Сергей Красильников рассказал о творцах, учёных, которые стоически, кропотливо и незаметно для взгляда создавали то достояние, которым Новосибирск сегодня гордится по праву.

Учёный подверг критике распространённый миф о том, что академики М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович и С.Л. Соболев «привезли» в наш регион «большую» науку, которой доселе в Сибири «не существовало». На самом деле, отметил историк, создание Новосибирского научного центра и Сибирского отделения Академии наук — это вершина айсберга, результат долгого и упорного труда ряда поколений учёных, работавших до «СОАНовской эры».

«Научное освоение Сибири началось даже не два века назад, предпосылки для него были заложены гораздо раньше — интерес к региону возник тогда, когда была создана Императорская академия наук. В первую очередь, регион привлек учёных гуманитарного направления, которые изучали уклад жизни населения, быт, начали историко-этнографическую работу», — сказал специалист.

Среди выдающихся учёных той поры С.А. Красильников назвал Г.Ф. Миллера, автора «Описания сибирских народов», вошедшего в сокровищницу мировой исторической науки, долгие годы изучавшего быт сибирских аборигенов.

Развитие организационных (а не только экспедиционных) форм науки в регионе во

второй половине XIX в. стало возможным благодаря союзу местных просвещённых управленцев с зарождающейся интеллигенцией. «Точками роста» науки первоначально стали два города — Иркутск и Омск — где располагались Восточно- и Западно-Сибирский отделы Географического общества. Речь шла не только о сборе информации о природе, климате определенных областей, скорее это были «комплексные институты», в деятельности которых находилось место и для гуманитарной составляющей», — рассказал С.А. Красильников.

Первые университеты

Следующим этапом развития науки в Сибири стало появление первых высших учебных заведений. Первенцами в регионе были Томский университет и Томский технологический институт (ныне политехнический университет), возникшие с интервалом в два десятилетия: в 1880-м и 1900-м гг. Появление этих учреждений стало возможно благодаря взаимодействию центральной администрации, выделявшей средства на высшую школу в регионе, и местной общечеловечности, интеллигенции и меценатов. Среди последних особняком стоит имя А.М. Сибирякова, который на свои средства финансировал крупные экспедиции. Он же стал крупнейшим пожертвователем, выделившим из своего капитала колоссальные по тем временам деньги — 100 тыс. рублей на строительство первого университета в Томске. Томский технологический институт возник благодаря пониманию необходимости в развитии инженерно-технического направления.

«Первые вузы создавались на новом месте — и кадровый вопрос решался за счёт приглашения крупных специалистов из других городов, где к тому моменту уже сформировались солидные научные школы. Так, значительный «десант» учёных прибыл в Томск из Казани. Профессора и преподаватели не только Казанского, но и других российских университетов были учеными-подвижниками, как сейчас говорят, пассионариями в науке. Они готовы были поехать на новое место и начать работать с нуля. Научное подвижничество начала века дало блестящие результаты», — сказал историк.

Томская эпоха

Среди важнейших научных направлений, которые были заложены в Сибири с появлением первых вузов, следует назвать геологию и ботанику. Научные школы, появившиеся на заре прошлого столетия, действуют и по сей день. «Отцом-основателем ботанической школы был П.Н. Крылов, имя которого носит Томский ботанический сад. Учёный был создателем самого крупного за Уралом гербария, который собирался десятки лет. Нынешние «травники» продолжают традиции Крылова. Работы ботаников Сибири активно поддержал академик В.Л. Комаров, который в 1936 году был избран президентом Академии наук СССР.

Основателем сибирской геологической школы стал академик В.А. Обручев (1863—1956). Второй знаковой фигурой для сибирской геологии был М.А. Усов. В начале века он начал работать как студент под руководством Обручева, а в последующем, когда в 1912 году Владимир Афанасьевич вынужден был покинуть Томск из-за своих либеральных взглядов и разногласий с властями, Усов стал его преемником в Технологическом институте. Усов — первый академик, который был избран, находясь и работая в Сибири.

Именно томские учёные в 1920-е годы внесли громадный вклад в научное обоснование строительства в регионе крупных добывающих и перерабатывающих предприятий, таких как Кузнецкий металлургический завод. Сибирские геологи и горняки дали описание и оценку запасов необходимых для этого полезных ископаемых.

Среди учеников Усова и Обручева — в следующем поколении учёных — академики Ю.А. и В.А. Кузнецовы. С созданием Сибирского отделения два этих специалиста развернулись на всю мощь — братья работали в Институте геологии и геофизики СО АН,